

ПРАВСТВЕННО ЛИ НЕ ПЛАТИТЬ НАЛОГИ

Роберт У. МакГи, Университет Барри, Флорида, США

РЕЗЮМЕ

Не так давно Римская католическая Церковь выпустила пересмотренный катехизис, который причисляет уклонение от налогов к числу грехов.

В первой части статьи рассматриваются аргументы в пользу того, что не платить налоги грешно или безнравственно. Во второй части представлены контрдоводы - в таком уклонении нет ничего греховного или этически порочного. Автор делает вывод, что аргументы в поддержку «греховности» уклонения от налогов не выдерживают критики и предполагает, что повинны в грехе, скорее всего, сами сборщики налогов, коль скоро именно они участвуют в отчуждении имущества.

Статья написана на основе реалий преимущественно американской системы права, но она со временем будет актуальна и для Украины.

I. ГРЕХ ЛИ УКЛОНЕНИЕ ОТ НАЛОГОВ?

Не так давно Римская католическая Церковь выпустила пересмотренный, впервые с 1566 года катехизис (Catechismus Romanus), который является для верующих 700-страничным моральным руководством. В нем излагается католическая доктрина на понятном мирянину языке. Катехизис предназначен служить ориентиром в добропорядочном моральном поведении.

Новое издание отличается дополненным перечнем грехов. В него вошли: выплата несправедливо низкой заработной платы работникам, использование активов компании в личных целях, вождение автомобиля в нетрезвом виде, употребление наркотиков и уклонение от налогов. В данной статье мы рассмотрим вопрос греховности уклонения от налогов.

Наиболее полный научный труд на эту тему с позиции католицизма написал в 1944 году *Мартин Кроу*. В 177-страничном трактате всесторонне рассматриваются моральные аспекты уклонения от налогов. Из общей массы налогов *Кроу* выделяет так называемые "справедливые" налоги. Он считает, что в нравственном плане справедливые налоги платить обязательно, а несправедливые - необязательно.

Возникает вопрос: А что такое справедливый налог?

В каких случаях уклонение от налогов можно обосновать нравственными соображениями? Если ваши налоги идут на финансирование военной машины Гитлера, уклонение от них вряд ли будет считаться безнравственным. Более того, можно смело утверждать, что неуплата, по возможности, таких налогов есть моральный долг. Тем не менее, в других случаях ответ не столь очевиден.

Нравственно ли не платить налоги, когда поступления расходуются на организацию питания голодных, предоставление жилья бездомным или обеспечение одеждой малоимущих? А если за счет налоговых поступлений финансируется услуги, которыми вы сами пользуетесь. Речь

идет о полиции, системе здравоохранения, образования и пр. Что делать, если ваши налоги расходуются на деятельность, плодами которой вы пока не пользуетесь, к примеру, на систему социального обеспечения? И как быть с налогами, которые финансируют законы, принимаемые законодателями исключительно в угоду интересам избирательных округов, от которых они избраны? Другими словами, есть ли связь между тем, куда тратятся налоговые поступления, и нравственными терзаниями в случае уклонения, или этот вопрос лежит в другой плоскости?

Кроу и другие исследователи делят налоги на 3 категории:

- Пошлины за выдачу лицензий, франшиз и разрешений;
- Целевые платежи, например платеж за пользование дорогами;
- Собственно налоги, например, налог на доходы.

Уплачивая эти налоги, налогоплательщики не приобретают никаких особых прав, связанных с их уплатой.

В случае пошлин или целевых платежей плательщики получают определенное право, например:

- за выдачу водительского удостоверения предоставляется право управления автомобилем;
- за разрешение на ведение предпринимательской деятельности предоставляется право вести бизнес;
- за целевой дорожный сбор предоставляется возможность пользоваться дорогами.

Однако плательщики собственно налогов никаких специальных прав не получают. Деньги жителей Нью-Йорка, которые платят федеральный налог, могут быть потрачены на сооружение моста в Калифорнии, так что непосредственной выгоды от таких налоговых платежей ньюйоркцы не получают. Более того, у них нет прав требовать, чтобы такой мост был построен в Нью-Йорке. Налоги, собираемые государством, поступают в общий котел и распределяются по усмотрению правительства. Налогоплательщики обязаны платить налоги, но они не получают никаких специальных прав в связи с их уплатой.

Кроу относит эти три категории доходов бюджета к бездоговорным доходам.

Кроме бездоговорных, существуют договорные доходы, такие как вознаграждение за услуги. Настоящая статья рассматривает налоги в узком смысле, хотя многие из рассматриваемых аргументов применимы в отношении и двух других форм бездоговорных источников бюджетных доходов.

Кроу дает следующее определение налога:

Налог есть обязательный взнос государству, взимаемый в интересах общества с целью финансирования расходов на функционирование государства, либо взимаемый с регулятивной целью, не связанной с предоставлением специальных прав плательщику.

Такое определение является довольно полным. Оно охватывает не только налоги, установленные с фискальной целью, но и налоги, установленные с целью регулятивной, например, таможенные пошлины, акцизы на табак и алкоголь. В соответствии с этим определением плательщики не обязательно являются выгодополучателями.

Тем не менее, это определение можно еще улучшить. **Кроу** утверждает, что налоги являются обязательными взносами, взимаемыми в интересах общества. Но как быть с теми обязательными взносами, которые используются для удовлетворения особых интересов?

Зачастую многие расходы государства идут как раз на удовлетворение таких особых интересов, а не интересов всего общества.

Таможенные пошлины ограждают отечественных производителей текстиля от иностранной конкуренции в ущерб миллионам потребителей, которые в противном случае покупали бы одежду дешевле. Пошлины, ввозные квоты и другие меры по защите отечественных производителей увеличивают прибыль нескольких местных компаний за счет миллионов автовладельцев. Сборы в фонд социального страхования отбирают часть заработка у работающих и перераспределяют их в пользу неработающих пенсионеров.

Ни один из этих сборов не может считаться полезным для общества в целом потому, что приносит пользу только его части. Тем не менее, их следует считать налогами, поскольку они являются таковыми по сути. А вот являются ли они справедливыми налогами - это совсем другой вопрос.

Более полно и точно налог можно определить как принудительное изъятие собственности государством безотносительно, расходуются ли в дальнейшем налоговые поступления во благо общества или частных интересов. Но даже это широкое определение не охватывает всех издержек, навязываемых частным лицам государством, поскольку не включает расходы на выполнение регулятивной функции.

Например, если государство вводит правило, вынуждающее бизнес нести определенные затраты, то, в сущности, собственность изымается хотя бы в том смысле, что налогоплательщик больше ею не пользуется. Однако, это не налог в строгом смысле, хотя бы потому что отсутствует факт перевода денежных средств от налогоплательщика государству. Но менее ли насильственным представляется случай, когда местный совет по регулированию арендной платы ограничивает владельца недвижимости в назначении цены, сверх, скажем, 400 долларов в месяц за квартиру, которая на свободном рынке может быть сдана в аренду за 700 долларов, чем тот, когда домовладелец, назначая цену в 700 долларов, платит 300 долларов налога? В любом случае владелец недвижимости получает 400 долларов вместо 700. Налоги, в широком смысле слова, должны охватывать все случаи навязываемого государством обязательного поведения.

Что делает налог справедливым? *Кроу* выделяет три критерия. Налог справедлив, только если он (а) введен легитимной законодательной властью, (б) для достижения благих целей, и (в) налоговое бремя справедливо распределяется между всеми плательщиками налога. Таким образом, в странах, где отсутствует легитимная законодательная власть, не может быть справедливых налогов. А там, где налог устанавливается не для достижения благих целей, например налог на церковное вино для причастия, нет и обязательства платить такой налог. К справедливым, по мнению *Кроу*, следует причислить налоги, которые вводятся для финансирования духовных, культурных и этических потребностей общества, таких как концерты, памятники и художественные музеи.

Как быть со справедливым распределением налогового бремени? Кто не получает дохода, не платит подоходный налог. А человек с высокими доходами зачастую вынужден платить высокий налог. Люди с низкими доходами могут отдавать значительную их часть в уплату налога с продаж, по сравнению с теми, у кого доход выше. Что делать? Есть ли несправедливость в такой зависимости? А если есть, что делает ее несправедливой? Если малоимущие получают больше услуг и помощи от государства, чем люди состоятельные, должно ли требовать от них уплаты больших налогов? А если нет, можно ли говорить, что **бедное большинство эксплуатирует богатое меньшинство?**

Должны ли налоги основываться на принципе способности их заплатить или на объеме полученных благ? Являются ли эти два подхода взаимоисключающими или они каким-то образом могут совмещаться? Справедлив ли только один из подходов? Или они оба несправедливы? Если так, что тогда определяет справедливость налога?

Мы вернемся к этим вопросам позднее. Сейчас достаточно сказать, что **Кроу** разделяет точку зрения, согласно которой

"моралисты единодушны в мнении, что решающим основанием распределения налога является способность гражданина его платить".

Кроу рассмотрел точки зрения множества религиозных и светских авторов относительно моральной обязанности платить налоги. **Анджелюс Клависийский** (конец XV века), например, обсуждая моральную обязанность платить налог, установленный монархом за проход через территорию его государства, пишет:

«...когда те, кто вводит такие налоги, не заботятся в дальнейшем о дорогах, мостах, безопасности людей и пр., сообразно их компетенции, то подданные, уклоняясь от такого налога, не совершают греха, если только не сопровождают уклонение ложью или лжесвидетельством, и не обязаны возвращать то, что сокрыли ... Равно как не считаю уклоняющихся от налога грешниками и тогда, когда вышеупомянутые, то есть те, кто вводит налог, предоставляют такие общественные услуги».

Исходя из этого, **Анджелюс** усматривает грех лишь в случае, когда налогоплательщик вынужденно прибегает к лжесвидетельству или лжи для того, чтобы избежать налога, что неприемлемо в нравственном плане. Однако в таком случае сама ложь или лжесвидетельство, но не неуплата налога, является греховным. Грешно ли лгать тому, кому правду знать не следует? Грех ли солгать агенту гестапо, что вы не укрываете еврея в своем подвале, в то время как на самом деле вы прячете его там. И грех ли сказать грабителю, что вы отдали ему все деньги в то время, как в действительности отдали ему лишь часть. Так как же ложь налоговой, если в силу моральных принципов вы не считаете себя обязанным платить налог, может считаться грехом? Сама по себе ложь - не грех. Все зависит от обстоятельств.

Берарди, более поздний философ, писавший ту же тему, придерживается мнения, что, вероятно, не существует моральной обязанности платить налог, даже если это сопряжено с ложью и обманом.

«Что же в этой связи делать с подданными, которые нашли способ уклониться от налога? ...очевидно, не существует возможности вернуть утаенное после взимания налога. Ввиду того, что обязанность платить налоги возникает не по молчаливому согласию подданных компенсировать государю его публичные расходы, а каждый подданный возлагает на себя определенную часть этого бремени, такая обязанность скорее возникает из предписаний государя, который определяет, каким образом необходимая сумма будет собрана».

В сущности, **Берарди** говорит о том, что там, где нет договора, нет и обязательств, а также о том, что не существует договора между государем и налогоплательщиками. Эта идея кажется трудной для понимания, особенно если применить ее к современной демократии, то есть к

условиям, при которых, по крайней мере теоретически, существует некое подобие договора между народом и правителем. Договорная теория порождает несколько интересных моментов, которые мы рассмотрим ниже.

Один из ученых начала XX века придерживается точки зрения, согласно которой частичное уклонение от налогов обосновывается фактом, что государство не может претендовать на полную величину налога, а также, что несправедливо облагать большими налогами добросовестных плательщиков, в то время как недобросовестные обычно платят меньше.

Кролли считает, что обязанности платить налоги нет; она появляется в случае, когда уклонение приводит к насилию. Другие теологи полагают, что духовникам не следует склонять паству к возвращению сокрытого, если только сами исповедующиеся не сочтут это необходимым.

«... духовнику не следует принуждать исповедующегося к возврату сокрытого в том случае, если исповедующийся полностью или даже частично убежден в том, что налоги, должны быть уплаченными, являются несправедливыми или что их число слишком велико и непомерно, либо, учитывая его нынешнее положение и состояние бизнеса, исповедующийся считает, что уже сделал достаточный вклад на общественные нужды».

Это сообразуется с точкой зрения, согласно которой грех - только то, что вы сами считаете грехом.

На протяжении столетий ученые рассматривали, нравственно ли уклоняться от налогов и с других точек зрения. Некоторые считали, что должно платить только те налоги, которые по природе не являются абсолютно карательными, в то время как их оппоненты утверждали, что платить следует все налоги, независимо от степени их тяжести. Другие обсуждали относительные преимущества уплаты или уклонения от прямых налогов, таких как подоходный, налог на капитал, наследование, землю и недвижимость перед косвенными, например, таможенной и другими пошлинами, а также налогом с продаж.

Их противники приводили доводы о том, что вопрос нравственного выбора – платить или не платить – никак не связан с видовой принадлежностью налога к прямым или косвенным. За последние две тысячи лет бытовало мнение, что уклоняться от налога грешно в случае, только если сборщик податей уже потребовал его уплаты. Несогласные заявляли, что уплата налога обязательна, даже если требование о его уплате не предъявлено. Другие считают грехом нарушение любого закона. Некоторые теологи полагают, что государство подобно слуге, и поскольку слуга имеет право на оплату труда, государство имеет право на налоги.

Другой вопрос, обсуждающийся на протяжении столетий, каким именно грехом является уклонение от налогов - смертным или не смертным, прощительным.

«Подданные, которые против воли государя используют обман и другие средства во избежание справедливых налогов, подлежащих уплате в силу договора или традиции, либо уклоняются от налогов недавно введенных... совершая грех воровства, грешат смертно и обязаны возратить утаенное».

Оценка уклонения от налогов как смертного греха становится особенной резкой в случае, когда дело касается незначительной суммы, но лишь немногие теологи классифицировали любое уклонение от налогов как смертный грех. **Вуа** считает, что тот, кто уклоняется от

налогов, совершает тяжкий грех, даже если требование об их уплате не предъявлено, и те, кто утаил, должны возвратить утаенное.

Похоже, нет четкой грани между грехом смертным и простительным, по крайней мере, когда речь идет о краже. Если украден грош – грех скорее всего будет простительным, если миллион – он скорее всего становится смертным. Украсть сотню у нищего куда греховнее, чем у богача. На степень греха влияют и жизненные обстоятельства человека, уклоняющегося от налогов.

"Те, кто не платит налоги, наложенные на предметы первой необходимости, будут освобождены от обвинения в смертном грехе и от обязанности вернуть недоимку"

Боначина полагает, что уклоняться от налогов - не грешно, если их бремя слишком велико.

А что говорит о налогах Библия? В ее тексте налоги упоминаются несколько раз. В Ветхом Завете говорится, что фараон облагал налогами людей в соответствии с их платежеспособностью, но умалчивает, считается ли справедливой такая практика. В Новом Завете, в ответ на вопрос, следует ли платить подать, **Иисус** говорит *"Отдайте кесарю кесарево, а Божье - Богу"*. Но это означает лишь то, что следует отдавать другим то, что принадлежит им по праву, и умалчивает о том, имеет ли кесарь (государство) вообще право на налоги. **Апостол Павел** повторяет эту мысль:

"Так отдавайте должное всякому: кому подать - подать; кому оброк - оброк; кому страх - страх; кому честь - честь".

Однако не все ученые интерпретируют Священное Писание именно так. Например, **Бийя** интерпретирует 7-ую строфу 13-ой главы Послания к Римлянам апостола Павла в том смысле, что только справедливые налоги подлежат уплате государю согласно божественному закону, поскольку тот - представитель Бога. Но он не задается вопросом, подлежат ли уплате налоги согласно божественного закона дурному государю. Он не подвергает сомнению, что платить налог в соответствии с божественным законом надлежит и атеистам.

Согласно интерпретаторам иудейского права, существует обязательство платить налоги.

«Всякий, кто утаивает подоходный налог, преступает закон, запрещающий воровство, вне зависимости от того, управляется ли страна иудейским или неиудейским царем (правительством), поскольку закон любой страны есть закон. Некоторые ученые считают, что, этот закон представляет собой не более чем обязанность платить налоги и оказывать содействие стране в борьбе с неприятелем. Однако, по мнению большинства, обязательным является соблюдение всех законов, которые установлены законно образованным правительством».

Но и эта точка зрения не бесспорна. Во-первых, она зиждется на допущении, что все легальное является нравственным, а нелегальное - аморальным, по крайней мере, в рамках законно избранного правительства. Тем, кто считает правительства Третьего Рейха и фашистской Италии законными в том смысле, что Гитлер и Муссолини избраны большинством голосов, следует задаться вопросом, а нет ли исключений из правила. Во-вторых, она представляет мнение большинства как авторитетный источник. Однако мнение большинства никак не связано с истиной. Нечто либо истинно, либо нет, независимо от мнения большинства.

Другой аргумент в пользу налогообложения состоит в том, что если одни люди не платят "справедливую долю", другие вынуждены платить больше, чем приходящаяся на них справедливая доля. Если это так, получается, что уклонение от налогов аморально, поскольку вы вынуждаете кого-то другого расплачиваться за предоставляемые вам блага. Вы ведете себя как паразит, поскольку пользуетесь благами, которое вынуждены оплачивать другие.

Такая аргументация имеет несколько слабых мест. Прежде всего, крайне непросто определить справедливую долю. Проблема осложняется еще и тем, что государство зачастую выбрасывает деньги на ветер. Следует ли платить только справедливую долю, которая потом потратится рационально, или еще ту часть, которую оно попросту промотает?

Результатом спора о справедливой доли, к которому теологи пришли через столетия дискуссий, является допущение практики частичного уклонения от налогов, и заключается в том, что:

"...государство не имеет права на полную величину налога и несправедливо возлагать более тяжелое налоговое бремя на добросовестных плательщиков, тогда как недобросовестные зачастую платят меньше".

Схожего взгляда придерживается и *Девис*.

«Нелепо ожидать от добропорядочных граждан, которые безусловно в меньшинстве, чтобы они чувствовали себя обязанными по совести платить налоги, в то время как большинство откровенно пренебрегают этим своим моральным долгом, если он вообще существует. Несправедливо ожидать от добропорядочных граждан, угрожая им штрафами, стремления платить налоги лишь затем, чтобы выровнять дисбаланс, возникший вследствие неуплаты налогов другими».

Другой разновидностью аргумента о справедливой доле является признание морального обязательства платить за предоставленные услуги. Но и эта аргументация страдает изъянами. Что если государство предоставляет услуги, о которых вы не просили? Что если государство, к примеру, разрешает искусственное прерывание беременности, а вы полагаете, что аборт недопустим по нравственным соображениям? Что если государство требует уплаты взносов в систему государственного социального обеспечения, в то время как вам по душе частные пенсионные фонды, в которые вы не можете вложить, поскольку государственное социальное страхование съело ту часть дохода, которую вы собирались потратить на более выгодное, с вашей точки зрения, вложение? О каком моральном долге речь, коль скоро вас насильно принуждают сделать заведомо плохую инвестицию!

Другими словами, имеется ли взаимосвязь между тем, за что вас просят (или вынуждают) заплатить, и тем, что предоставляют взамен? Как правило, налогоплательщики получают меньше благ, чем оплачивают. Причина тому - административные издержки государства. **Экономисты называют это явление чистым убытком. Чистый убыток возрастает по мере территориального удаления налоговой службы от налогоплательщика.**

Например, плательщики местных налогов, в среднем получают назад в форме услуг от 80 до 90%. В то же время в форме услуг возвращается лишь 70% налогов штатов и, в зависимости от качества предоставляемых общественных благ, от 30 до 40% федеральных налогов. Чем дальше налоговая служба от налогоплательщика, тем ниже отдача. Издержки администрирования некоторых федеральных программ социального обеспечения намного превышают сумму целевой помощи всех заявителей вместе взятых. Жители одних штатов

получают от федерального правительства меньше, чем жители других лишь потому, что одни сенаторы и конгрессмены более искушены в сборе федеральных средств для своих штатов, чем другие.

Ситуация подобна тому, как если бы федеральное правительство забрало ваш автомобиль в счет погашения налогового обязательства, а взамен выдало велосипед. Конечно, вы получаете некие блага от государства. Но означает ли это, что ваш моральный долг отдать ему автомобиль? Изменится ли ваш ответ от того, что автомобиль этот у вас не единственный? Что вы скажете, если государство передаст вашу машину тому, у кого вообще ее нет, либо? А если тому, у кого их две? Или же распределение собственности не имеет ничего общего с моральным долгом платить налоги правительству, по крайней мере, теоретически избранному большинством голосов на последних выборах?

Если моральный долг платить государству за предоставляемые услуги все же существует, какая сумма является приемлемой? Если вы получили от государства велосипед, считаете ли вы своим святым долгом отдать ему взамен все, что то потребует, включая автомобиль? Или достаточно ограничиться колесом - двумя? Когда налог взимается силой или под угрозой применения силы, как в случае подоходного налога, о каком моральном долге идет речь, если его получатель - грабитель. Тем не менее, есть случаи, когда моральное обязательство компенсировать государству предоставленные услуги все-таки возникает.

Например, некоммерческие организации освобождены от налога на недвижимость. Несмотря на это, они пользуются защитой полицейских, пожарников, городским водоснабжением, канализацией и пр. Напрашивается вывод, что в этом случае возникает обязательство оплатить счет за предоставленные услуги. Эта ситуация отлична от той, где государство просто выставляет счет за услуги, независимо от качества.

Она также отличается от случая, когда государство принудительно взимает налог, несмотря на то, что оно неправомочно это делать, однако обязано предоставить определенные услуги. Таким образом, в случаях, которые не сопряжены с принуждением, а услуги действительно предоставляются, возникает обязательство их компенсировать, если такие услуги обладают известной ценностью для потребителя.

Но если услуги, предоставляемые государством, не обладают ценностью или субъект их не использует, как в случае благотворительной организации, которая предлагает программу помощи местной системе образования, в которой та не нуждается. Тогда нет и морального долга субсидировать такие услуги. В действительности может возникнуть моральный долг отказать во взносе благотворительной организации, поскольку дарители предполагают, что их деньги пойдут на другие цели. В противном случае, они сделали бы пожертвование системе местного образования самостоятельно.

Остановимся здесь на вопросе легитимности. В какой степени легитимно правительство? Например, в Соединенных Штатах более 50% избирателей вообще не принимают участия в национальных выборах. Еще меньший процент принимает участие в предварительных и местных выборах. При этом далеко не все люди старше 18 лет регистрируются в качестве избирателей. А многие из тех, кто все же принимает участие в выборах, на деле отдают голоса не за того кандидата, за которого хотели бы. Они голосуют за наименее плохого кандидата из числа баллотирующихся.

В политологических трудах получил широкое признание факт, что все страны - демократические и не очень - в действительности управляются не народом, а политической

элитой. Так насколько же легитимны правительства? Можно предположить, когда легитимность правительства опускается ниже определенного уровня, долг платить налоги исчезает. Более того, такая точка зрения признается Декларацией независимости США, которая подтверждает, что в некоторых случаях народ вправе отказаться в поддержке правительству. Однако четкой черты, за которой эта поддержка исчезает, не существует, поскольку все правительства в определенной степени нелегитимны, поскольку их деятельность редко соответствует ожиданиям граждан.

Другой довод в поддержку точки зрения, что уклонение от налогов безнравственно, основывается на категорическом императиве *Канта*. *Что случится, если все поступили бы одинаково?* Кант приходит к выводу, что в случае, если повсеместное совершение некоего действия имеет результатом нечто скверное, такое действие безнравственно. Если ничего дурного не происходит из повсеместного совершения действия, оно благопристойно.

Слабое место этих рассуждений проявляется, если применить его к вопросу уклонения от налогов. Если скоро налогообложение сродни грабежу, то есть присвоение имущества без согласия собственника, кто-то может спросить: Что произойдет, если все воспротивятся захвату имущества без их согласия? Одним из последствий стало бы заметное снижение уровня насилия и рост справедливости. Другим – обвальное сужение функций государства, поскольку оно не смогло бы более поддерживать тот масштаб расходования средств, который позволяет себе сейчас.

В таком случае государство не смогло бы принуждать фундаменталистски настроенных христиан, мусульман и иудеев поддерживать своими налогами абортарии, а пацифистов содержать налогами систему национальной обороны. Оно не смогло бы более субсидировать фермеров и принимать протекционистские меры, что привело бы к тому, что потребители стали бы платить меньше за продукты питания.

Однако все эти рассуждения, по существу, чисто утилитарны, то есть исходят из принципа наибольшего блага для наибольшего количества людей. Но даже если устранение правительства от распределения национального богатства и принесет пользу народу, настоящий вопрос – ущемляет ли налоговая политика государства права личности. Проблема не в том, к каким последствиям это приведет – положительным или отрицательным, а в нарушении прав в принципе.

Более трудный вопрос возникает в случае вознаграждения за услуги, то есть платы, которую государство взимает с тех, кто пользуется особыми общественными благами. Например, плата за вход на территорию городского парка или за пользование платной автомобильной дорогой. Этично ли перелезть через забор в общественный парк или проехать пункт сбора платежей на дороге без билета?

Нравственное поведение предполагает выбор. Где нет выбора, речь о нравственности не идет. Если кому-то приходится пользоваться платной дорогой или остаться дома, разве это выбор. Одному нужно за продуктами, другому – на работу и т.д., но если у государства - монополия на дороги, тогда у людей нет возможности выбирать между дорогами общественными и частными. В таком случае, нет моральных обязательств платить, несмотря на существование обязательств юридических.

Другое дело, если дорога находится в частном владении, потому что в тогда отказ от платы за ее пользование нарушает права владельца. При использовании частной дороги подразумевается наличие соглашения, согласно которому вы, пользуясь проездом,

соглашаетесь уплатить вознаграждение. Если же дорога принадлежит государству, нет никакого безусловного соглашения. Во-первых, государство обладает монопольным положением. Во-вторых, оно получило дорогу, конфисковав чью-то собственность, изъяв в форме налогов средства, которые затем были потрачены на покупку земли, наем строителей, оплату материалов и всего, что потребовалось для ее постройки.

Аргументы в пользу проникновения в общественный парк бесплатно не выдерживают критики, поскольку парк всецело содержится за счет продажи билетов, да и само посещение парка не является жизненной необходимостью. Люди вынужденно пользуются дорогами, что необходимо для нормальной жизни, чего не скажешь про посещение парка. И хотя частные парки обычно лучше ухожены, чем парки общественные, а затраты на их содержание ниже, люди все-таки получают возможность выбора. Таким образом, в вопросе посещения парка имеется нравственный аспект. Есть железные доводы в пользу того, чтобы все парки были бы частными, а не общественными, однако его рассмотрение выходит за рамки данной статьи, тема которой - уклонение от налогов.

II. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ГРАБЕЖОМ?

A. По взаимному согласию

Те, кто считают уклонение от налогов безнравственным или греховным, зачастую основываются на посылке, что неуплата налогов есть воровство, то есть завладение чужим имуществом либо отказ передать имущество другому лицу, в данном случае - государству. Если вы должны кесарево кесарю, то отказываясь сделать это, вы лишаете кесаря его собственности. Но можно ли это рассуждение использовать и в другую сторону? Можно ли утверждать, что налоги - это воровство, а их неуплата - просто попытка такое воровство предотвратить?

Грабёж обычно определяют как присвоение имущества без согласия собственника. Когда же имущество присваивает государство, это называют налогообложением. Тем не менее, между налогами и грабёжом существует различие, поскольку грабёж – событие разовое, случайное, тогда как сбор налогов происходит с завидной периодичностью, что делает его сродни эксплуатации или рабского труда. Большая ли разница, когда государство просто отнимает треть ваших доходов или цинично заставляет работать четыре месяца в году на него за спасибо?

Скорее всего, грешниками являются сборщики налогов, а не неплательщики, поскольку именно они отнимают чужую собственность! Грабитель требует 100 долларов; вы и ваши друзья выворачиваете карманы, но умалчиваете о двадцатке, спрятанной в ботинке. Безнравственен ли ваш поступок, даже если ваши друзья лишаются большей суммы, чем вы? И что меняется, если грабитель - государство?

Вопрос морали в случае неуплаты налогов заключается не в том, что вы усиливаете налоговый пресс другим, а в том, чувствуете ли вы себя обязанным вообще расставаться с чем бы то ни было. Если налогообложение это грабёж, тот факт, что другие должны платить за вас, не имеет значения. Природа грабежа ни в коем случае не меняется от того, что грабитель отнимает у всех жертв поровну.

Так все же, грабёж ли налогообложение или все происходит по взаимному согласию? Можно спорить, что налогообложение на деле не является принудительным, потому что где-то там далеко и давно избиратели выказали на это согласие. Но в таком рассуждении много изъянов.

Прежде всего, избиратели, дали свое «добро» давно в прошлом. Так, в Соединенных Штатах народ дал свое согласие на налог на доходы еще в 1913 году. Сейчас большинства тех, кто дал тогда согласие, нет в живых. А многие из живших тогда избирателей вообще голосовали против.

Согласно одному из фундаментальных принципов права и элементарной справедливости, никто не может быть связан договором, в котором не участвует. Так что, даже если согласие платить налоги может рассматриваться как договор между гражданами и государством, он не имеет силы, поскольку те, кто согласия не дал, договором не связаны. Значит, о системе налогообложения нельзя сказать, что она добровольна только потому, что когда-то давно в прошлом некая группа избирателей согласилась ее ввести.

Томас Джефферсон сделал следующее важное замечание:

«Мы можем считать каждое новое поколение новой нацией, обладающей правом по воле большинства связать себя договором, но не имеющей права связать этим договором последующие поколения, равно как и жителей другой страны.»

Джефферсон развивает свою мысль:

«Вопрос о том, вправе ли одно поколение связать договором последующее, похоже, никогда не поднимался, ни по одну, ни по другую сторону Атлантического океана. Тем не менее, этот вопрос не просто заслуживает решения, но и того, чтобы его решение заняло место среди фундаментальных принципов деятельности любого правительства. ... Такая ответственность не должна быть переложена на следующее поколение... поскольку земля принадлежит... живущим...»

Просматривая статистику своего времени (1789 год), **Джефферсон** вычислил, что средняя продолжительность жизни людей, достигших к тому моменту 21-ти летнего возраста, равнялась 55 годам. И поскольку уже через 19 лет после вступления в силу общественного договора с государством из жизни ушло бы большинство принадлежащих одному поколению 21-летних людей, что такой договор утрачивает силу по истечении девятнадцати лет с момента его заключения.

Это правило применимо к конституции, государственным долгам и вообще ко всем законам. Любой закон или конституция естественным образом утрачивает силу в конце этого срока, и придание силы закону или конституции за пределами срока регулируется правом силы, а не силой права. Таким образом, появляется убедительный философский аргумент в пользу того, что даже законы, которые принимаются большинством или единогласно, утрачивают силу по истечении некоторого отрезка времени, поскольку одно поколение не имеет права навязать свой договор другому поколению.

Поэтому, несмотря на теорию общественного договора, согласно которой большинство имеет право связать договором всех, действие такого общественного договора все равно ограничено во времени. Одно поколение не может связать договором другое.

Другой вопрос, касающийся обязательств народа перед государством, связан с концепцией мажоритаризма, то есть диктатного поведения большинства по отношению к меньшинству. При мажоритаризме, если 51% принимает закон, оставшиеся 49% должны с таким решением согласиться.

Мажоритаризм - главный недостаток демократии, который терпят только чтобы не нарушать само функционирование демократии. Он представляет собой прагматический компромисс. Если для принятия решения требовалось бы единодушное согласие, правительства были бы не в состоянии принимать много законов, что, по мнению некоторых, не так уж и плохо. Но то, что закон принимается большинством, не снимает его принудительного характера, ведь значительное меньшинство может неодобрительно относиться к этому закону. Государство - сила, оно не принимает во внимание число людей, одобряющих принятие каждого отдельного закона. А там, где демократия является фасадом, а не фактом, случается, что слуги народа принимают закон, который большинством этого самого народа не одобряется.

Концепция мажоритаризма связана с концепцией общественного договора, то есть с идеей о том, что некая группа людей тем или иным образом подписала договор с государством, действие которого распространяется на весь народ. Люди отказываются от части свободы в обмен на определенные блага, предоставляемые государством. Такой теоретик идеи общественного договора, как *Гоббс*, утверждает, что народ должен отказаться от всех прав в обмен на защиту государства. Другие, *Локк* в частности, считают, что народ может поступиться только частью прав и должен требовать восстановления этих прав, если государство не справляется с выполнением переданных ему функций.

Некоторые интерпретаторы идут дальше *Джефферсона* и *Локка*, доказывая, что общественного договора не существует в принципе и что даже если подобные договоры и существовали бы, они не распространяются на тех, кто не согласен с их условиями. Так, *Спунер* полагает,

«что конституция не обладает императивом и необязательна к выполнению. У нее нет ни одного из этих свойств, если только она сама не выступает в качестве договора между людьми. Конституция даже не претендует на роль договора между ныне живущими людьми. Ее участь - не более чем роль договора между людьми, жившими 80 лет назад. Следует признать, что и договором то она является только для людей, достигших зрелого возраста, другими словами, дееспособных заключить разумное соглашение. К тому же, как нам известно из истории, лишь малая часть живших тогда людей была приглашена либо к непосредственному обсуждению конституции, либо ей было позволено выразить согласие или несогласие с конституцией иным формальным способом. Те же, кто официально дал согласие, если таковые вообще были, давно умерли. И конституция, будучи их договором, утратила силу с их смертью. Не обладая достаточной властью или правом, они не сделали ее обязательной для своих детей. Связать договоренностью последующие поколения было совершенно невозможно, да и задачи такой не было. То есть конституция не может претендовать на роль договора между кем бы то ни было, за исключением ее современников, и не дает им права, власти или возможности связать ею кого-то, помимо самих себя».

Таким образом, с философской точки зрения признание добровольного характера налогообложения, поскольку некий "народ" на него согласился, зиждется на шаткой основе. Взимание налогов – акт принудительный, поскольку вынуждает людей расставаться с собственностью без их явно выраженного согласия.

В обществе, где ценятся свобода и частная собственность, добровольные формы сбора налогов превалируют над формами принудительными. Если государство рассматривать как слугу, а не господина, принуждение надлежит свести к минимуму, в то время как возможность добровольных действий должна быть максимальной. Добровольные формы

сбора налогов (подобно лотерее и вознаграждениям за услуги) являются предпочтительными по сравнению с формами, основывающимися на принуждении.

Одним из доводов против добровольности в области государственных финансов является утверждение, что правительство не сможет собрать необходимые для функционирования средства в добровольном порядке. Чтобы выжить государство применяет насилие. Хотя обширный характер этого вопроса потребовал бы написания целой книги, мы все же выскажем здесь несколько соображений. Наша аргументация носит характер скорее прагматический, нежели философский или этический.

Насилие необходимо, поскольку помогает собирать требуемые средства. В нем нет места честности, справедливости и праву собственности. Поэтому сторонникам принудительного характера сбора налогов, следует поинтересоваться, а сколько нужно денег?

"Если цель свободного общества заключается в сведении насилия к минимуму и в предоставлении максимального простора личности, для снижения степени принуждения в сборе налогов придется снизить в первую очередь сами государственные расходы. Тем самым сама роль государства будет сведена к минимуму».

Б. Платежеспособность или соответствие благ налогам

Исходя из принципа справедливости, все субъекты обязаны делать взносы на общественные потребности в соответствии с их возможностью и средствами.

Существует два диаметрально противоположных взгляда на налоги. Сторонники подхода платежеспособности, рассматривают государство как господина, собирающего дань с подданных, исходя из их возможностей. Они видят в лице государства благодетеля, который мудро распределяет блага нуждающимся. Говоря словами **Карла Маркса**:

"От каждого по способностям, каждому по потребностям".

Сторонники соответствия налогов предоставленным благам, считают государство слугой народа. Государство оказывает услуги, за которые налогоплательщики платят. Кто получает больше благ, платят больше; те же, кто не пользуются отдельными услугами, предоставляемыми государством, не обязаны за них платить.

Рассматривая пропорцию «услуги-налоги», можно вывести некий верхний предел налогового обязательства, сверх которого никто платить не должен. Так, Леона Хелмсли никогда не попала бы в тюрьму и не была осуждена за неуплату налогов, будь налоговая система США устроена в соответствии с принципом соразмерности предоставленных благ уплаченным налогам, поскольку размер уплаченных ею налогов на сумму свыше 100 миллионов долларов, намного превосходит предоставленные ей блага. Тогда, согласно принципу соответствия налогов предоставленным благам, она получила бы право на компенсацию. Но, поскольку Леона заплатила на несколько миллионов меньше, чем с нее "причиталось" в соответствии с принципом платежеспособности, а также из-за того, что она использовала противоправные методы, помешав налоговикам правильно оценить "надлежащую" величину налога, она была приговорена к тюремному заключению. С трудом верится, что федеральное правительство оказало Хелмсли услуг на сумму 100 миллионов долларов. Вот яркий пример эксплуатации государством экономически успешных граждан.

Реализация принципа платежеспособности ведет к эксплуатации. Государство эксплуатирует частный бизнес, тех, кто создает богатство, а затем перераспределяет часть их дохода между потребителями богатства – пользователями государственных программ. В этом смысле платежеспособность – краеугольный камень паразитирующей системы налогообложения. Принцип соответствия предоставленных благ налогам предназначен отыскать компромисс. В идеале те, кто пользуется государственными услугами, платят за них, с остальных денег не требуют.

Таким образом, принцип соответствия благ налогам выглядит куда более справедливым, чем принцип платежеспособности, поскольку основывается на принципе равенства, а не на эксплуатации. При прочих равных условиях система налогообложения, основанная на принципе соответствия, является более предпочтительной, чем та, что основывается на принципе платежеспособности. Но даже та налоговая система, что построена по принципу соответствия оплаченных налогов предоставленным благам, не решает вопроса компенсации чистых убытков налогоплательщиков, проблему оплаты государственных услуг, в которых налогоплательщик не нуждается, а главное, принципиальный вопрос - отъем средств налогоплательщиков без их согласия.

Если бы существовали степени скверны, то налоговая система, основанная на принципе соответствия благ налогам считалась бы менее порочной, чем система сбора налогов, основанная на принципе платежеспособности, поскольку первая базируется на компенсации затрат за предоставленные государством услуги, а вторая - на эксплуатации. При этом обе системы плохи в том смысле, что каждая предполагает принуждение и отъем имущества без согласия собственника.

В. Выводы и следствия

Грех ли уклонение от налогов? Безнравственно ли оно? Экскурс в историю не дает однозначного ответа. Налогообложение - завладение имуществом без согласия собственника, делает его равнозначным грабежу. Но в отличие от бытового грабежа, бандитом выступает государство, а не человек. Кроме всего, отъем собственности происходит многократно, что придает налогообложению сходство с эксплуатацией или использованием рабского труда.

Тот факт, что правительство назначено с одобрения большинства избирателей, принявших участие в выборах, не меняет сущности отъема средств. А получение подачек от государства не меняет аморальной стороны налогообложения. Как ровным счетом не трансформируется в сторону греховности моральный аспект взимания налогов, если часть населения их не платит в ущерб добросовестным налогоплательщикам. Ведь налоговая система в значительной мере основывается на грабеже, а не на моральном долге гражданина.

И покуда теологи и философы твердят, что существует долг платить справедливые налоги, на деле никаких справедливых налогов нет. Все налоги – отчуждение имущества без согласия собственника, поэтому справедливыми их нельзя назвать даже тогда, когда часть налоговых поступлений расходуется на благие дела. Грабеж есть акт несправедливости, независимо от того, раздает ли грабитель добычу беднякам или просаживает в карты, тратит на вино и женщин. Грабеж несправедлив по природе, а не последующим распределением. Вместо того, чтобы считать грешниками неплательщиков налога, куда справедливее было бы считать таковыми сборщиков налогов, поскольку именно они содействуют изъятию имущества без согласия.

Если уклонение от налогов этически правомерно, выходит, что юристы, бухгалтера и финансовые советники не должны нести ответственности за помощь клиентам снизить налоговый гнет. Тем не менее, с большой долей уверенности можно утверждать, что подавляющее большинство, а может все кодексы профессиональной этики юристов, бухгалтеров и финансовых советников оценивают пособничество в уклонении от налогов как безнравственное и устанавливают для консультантов довольно строгую ответственность.

Запрет такой деятельности противоречит первой поправке, поскольку посягает на свободу консультанта советовать клиенту уклоняться от налогов. Консультанты не вправе обсуждать с клиентами минимизацию налогов, показывать им способы такой минимизации без риска подвергнуться наказанию, что ограничивает свободу слова.

Даже если исключение запрета на помощь в уклонении от налогов из кодексов профессиональной этики выглядит спорным, пришло время хотя бы поднять этот вопрос. Ведь если содействие уклонению от налогов нравственно, что, как представляется, соответствует действительности, все кодексы профессиональной этики, предусматривающие ответственность за такие советы, сами являются несправедливыми, раз предполагают наказание за нравственный поступок.